

МУЗЫ В СТРОЮ

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Мало кому доводилось принимать участие в освобождении Берлина, а потом в его восстановлении. Я же в составе танковой армии Рыбалко 2 мая 1945 года в туманный серый день, как раз с площади перед дымящимся рейхстагом уходил в знаменитый танковый рейд на освобождение Праги. А в 1963 году прибыл в Берлин в качестве строителя и не на один-два дня, а на несколько лет.

В 1964 году в помещении «Комише опер» объявлено было исполнение «Реквиема» Кабалевского. Сказали, что сам автор приехал в Берлин. С радостью взял билеты и с волнением ждал концерта.

Кабалевский. Помнит ли он меня? Конечно, нет.

...Дело было зимой сорок второго. Я служил тогда в 1-й гвардейской орден Ленина стрелковой дивизии. Ею командовал генерал Руссиянов, и нас именовали «гвардейцами Руссиянова».

Стояли в деревне «Первое Советское» (в воспоминаниях Д. Кабалевского, опубликованных в журнале «Совет-

с армией Чуйкова вошли в Берлин. А в первых числах мая Т. Хренников и К. Симонов уже принимали участие в первой радиопередаче из освобожденного Берлина.

На сцене строго одетый хор — мужской, женский, детский. Наступила тишина. Прозвучали первые фразы мелодии.

Реквием. Мысли вернули меня в прошлое, на два десятилетия назад. ...«Первое Советское». Мы выезжали морозной звездной ночью.

И в музыке, казалось мне, сейчас мерцают звезды. Звук протяжный, на высоких тонах, чистых и холодных. Пел детский хор.

Дорога сперва шла бором. Когда-то здесь располагались пионерские лагеря, и место принадлежало к харьковской зоне отдыха. Но в эту зимнюю ночь лес мрачной, неприглядной стеной обступал дорогу.

Вступил мужской хор.

...По лесу, нащупывая нас, методически била тяжелая артиллерия. Снаряды рвались через равные промежутки времени. Удар, и взрыв тяжелого снаряда обрушивался и сотрясал землю, как горный обвал, ломая громадные сосны. Мы знали, что впереди предстоит тяжелый бой, и сознание предстоящего в сочетании с нарастающим гулом передовой и страшными ударами разрывов тяжелых артиллерий-

дуло к небу, кособочился немецкий пулемет. Я зашел в распахнутую дверь. В комнате был хаос. Валилась утварь, разбросанное немецкое оборудование, пустые бутылки, окровавленные бинты. Через разбитые окна намело снегу.

Посередине пола — черный квадрат открытого люка в подпол. Я заглянул в подвал и замер. Где-то в подвале пробило дыру, и луч света высветил фигуру замерзшего юноши. Он был без кровинки, чистого белого цвета, словно мраморная скульптура. «Зачем пришел ты сюда, чужеземец, такой молодой и красивый, — думал я. — Что нашел ты у нас? Зачем разорил этот дом? Ты пришел завоевателем, и возмездие настигло тебя».

Бой шел рядом. Пуля, взвизгнув, неожиданно задела в пролом стены. Невольно съехившись и запоздало присев, стал я из хаты выбираться. Сельская улица простреливалась. Идти можно было только за домами, и я сразу же в огороде наткнулся на труп нашего бойца. Маленький мужичонка лет сорока, с рыжеватой небритой щетиной. В шинельке, в ботинках с обмотками, и это в эдакий-то мороз. Винтовка с ним обычная, трехлинейная, а не автомат. Такой он лежал безответный, простой, свой, близкий, что хоть плачь.

СЛУШАЯ РЕКВИЕМ...

ская музыка» в 1964 году, она называется «Первое октябрьское»). Передовая была километрами в пяти, по ту сторону Северного Донца, за могучим бором.

Я дежурил в тот день по особому отделу и, так как все было тихо, позволил себе после обеда отдохнуть. Скинул валенки, прикрылся полудубком и часик вздремнул. По улицам села ходил наш патруль, и в нужное время предстал передо мной старший сержант Николаев. Вытянувшись, он доложил, что никаких происшествий, как и следовало ожидать, за время дежурства не произошло. Впрочем, одно пустяковое дело — задержаны двое подозрительных. Но с этим можно подождать и до утра, а там разберемся.

— Кто такие? — опять же лишь для порядка спросил я.

— Гражданские, — доложил старший сержант. Полез в карман, достал бумажку и прочитал: «Какие-то Долматовский и Кабалевский».

В первый момент я обомлел. Было известно, что на стихи Долматовского, с которыми мы встречались после выхода из окружения в октябре 1941 года, и на музыку Кабалевского должен быть написан марш нашей дивизии. Но что оба автора уже здесь, я понятия не имел. Недоразумение произошло забавное: высоченный Кабалевский и поменьше его ростом Долматовский были одеты для фронтовой полосы непривычно. Один в шинели, но в «домашней» шапке, а второй, наоборот, в военной шапке-ушанке, а пальто гражданское. В селе расположен штаб дивизии, ну как тут патрулю их не «замести»!

Впопыхах одеваясь и на рысках выскакивая, спросил:

— Где они?

— В баньку посадили (банька-то неотопливаемая!).

— Давно?

— Часа полтора.

— Ну, Руссиянов узнает — бедет нам! — сказал я ничего не понимающему старшему сержанту и поспешил вызволять и поэзию, и музыку.

Так состоялось мое первое знакомство с Кабалевским. Нам было дано указание приглядывать за гостями, чтобы те не лезли куда не нужно. Неровер час убоют. А они, помнится, готовы были хоть куда. На передовую, так на передовую. В разведку? Пожалуй, и в разведку.

Словом, недели две они у нас, должно быть, были. Но в конце концов марш был написан, и на том встречи наши кончились...

И вот спустя двадцать с лишним лет — «Комише опер». «Реквием» Д. Кабалевского. Театр был в этот вечер полон. Выходные костюмы, белоснежные рубашки, мундиры военных, надранные до лакового блеска высокие сапоги — все по-театральному нарядно, модно, парадно. Вдруг мы с женой увидели Тихона Хренникова, который, видимо, специально приехал в Берлин на концерт своего коллеги. Поборов стеснение, подошли к нему, разговорились и даже сели в зале рядом. В короткой беседе выяснилось, что Т. Хренников, К. Симонов, В. Шиневский, М. Блантер, Е. Долматовский 2 мая 1945 года

ских снарядов в полной темноте шумящего леса создавало у всех обостренно тревожное чувство...

Хор и оркестр рокотали на низких басовых нотах, предвещая беду.

...Но вот мы выехали из леса. Дорога пошла меж холмов. Мрак начал уступать серевшим сумеркам. Чуть-чуть зардел восток. День обещал быть ясным, и это было плохо. Еще в полутьме над нами низко пронесся со свистом «мессер», за ним второй. Где-то впереди послышался треск их пулеметных очередей. Что-то они заметили на дороге. Мы проехали еще минут пять. Обехали горящую машину, в которой рвались боеприпасы.

Восход наливался багрянцем все сильнее. Мороз обжигал лица. Снега начали отливаться холодной синевой, и вдруг мы увидели то, что своей фронтовой необычностью запомнилось мне на всю жизнь. На гребне холма четким черным рельефом, шагах в пятнадцать от нас, на фоне мрачного, разгорающегося алого рассвета стояла запряженная в розвальни лошадь. Она низко опустила голову. Колени ее мелко дрожали. С брюха, с боков почти до самой земли свисали широкие у основания сталактиты густой, замерзающей на глазах крови. Дымилась лужи крови на снегу. Лошадь, видимо, посекло пулеметной очередью. От потери крови она терла сознание. Мирная, маленькая, деревенская, мохнатая лошаденка стояла из последних сил.

На розвальнях, в соломе, какая-то поклажа, сундук, на нем варежка. Шагах в десяти лежала-немолодая женщина — хозяйка розвальней. Лица ее видно не было. Голова, укутанная в темный платок, подшитые валенки, небогатая крестьянская одежда — все было таким домашним, таким знакомым, скромным, родным. Но то, что она лежала на снегу недвижно, ничком, заставило нас говорить почти шепотом. Видно, отбегала в последнюю минуту от своего возка, да не успела...

И опять я услышал хор. Вновь звучали детские голоса. Чистые, звонкие, скорбные, на высоких тонах, а внизу где-то рокотали густые, но сдерживаемые басы, и я понял, что такое «Реквием». Я услышал плач по убиенной русской матери, что спасалась от убийц, но пала от их руки.

Оркестр и хор умолкли. В зале на мгновение воцарилась тишина, а мне вдруг вспомнилась совсем другая мелодия и гневные, требующие возмездия слова гимна того времени: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна, идет война народная, священная война...» «Реквием». Память о погибших. Зазвучал женский хор, и вновь я вернулся мыслями и чувствами в прошлое.

...Село Рубежное с пригорка казалось таким, как будто великан прошелся по нему, топчя ногами. Дома были развалены, как спичечные коробки, часть стен лежала в руинах, а часть вздымалась вербами кверху. У самого въезда, у первых домов, я вдруг увидел воровья с перебитым крылом. Какая же тут была частота огня, если даже птаху малую задело! У крайней хаты часть бревенчатой стены осыпалась. В пролом была видна русская печь. На ней, задрав

Хор пел то печально, то вдохновенно, мужественно. Пел о тех, кто, не жалея себя, бился с врагом, погибал за Родину. В сложную музыкальную ткань вплетались голоса мужские, женские, детские. Их подхватывал оркестр...

И вспомнилось последнее. В апреле 1942 года прошел слух, что нашу дивизию на этом участке фронта сменяют, отводят на переформирование. Приехали представители новой дивизии. Стали принимать передовую, минные поля, разведанные, полевые укрепления, все хозяйство.

Наконец в ночь на смену получил я приказ дежурить на переправе. В полной тишине рота за ротой, батальон за батальоном на понтонах переправлялись на ту сторону полки новой дивизии. Приказание отдавались вполголоса. Люди в понтонах расаживались молча. Изредка только громыхало металлическое днище под неосторожным сапогом да оружие стучало о борт. Быстротекучая весенняя вода Северного Донца в темноте струилась и бормотала. Тот берег лишь угадывался. Переправа согласно приказу проходила скрытно и благополучно. Бойцы были дисциплинированы, ладно одеты, хорошо вооружены. Много автоматов. Все в касках, с противогазами. Переправа на ту сторону заняла много времени. Новые батальоны были укомплектованы. Народу много. Но вот погрузились последние, и наступила пауза. Теперь нужно ждать с той стороны наших. Нервничаем. Успеть бы до света. Проходит час, другой. Но что это? С той стороны нарастает гул. Он приближается, боже! Крик, шум, гам, хохот, ругань. Где соблюдение приказа о тишине? С той стороны приближается первый понтон. Что за вид у этой орущей братии? Прожженные шинели, закопченные лица, сдвинутые на бок или на затылок шапки, шлемов нет, противогазов нет. Автоматов, правда, много, но все немецкие. Орут, гогочут. Унять их невозможно.

Немцы, конечно, услышали гвалт. Пошли ракеты. Разорвался в воздухе бризантный снаряд... Хорошо, что за лесом переправа им не видна и стреляют они на ощупь. Открытый немцами огонь никого не смущает. Все рады до предела, что вырвались из этого леса, где сидели несколько месяцев. Впрочем, переправа быстро завершается. Обратно переправилось много меньше, чем ушло туда. Горстка «гвардейцев Руссиянова» держала этот лес! Из них многие дойдут до конца войны, а вот с теми, что пошли туда, было плохо. В весенних неудачах наступательных боев под Харьковом в 1942 году дивизия потеряла многих.

В честь погибших! Им посвятил свой «Реквием» Дмитрий Кабалевский. О них пели в зале театра «Комише опер» на немецком языке дети, женщины, мужчины. О тех, кто погиб в борьбе с фашизмом во славу жизни и радиости нашей и будущих поколений.

Б. ИОНАС,
профессор,
доктор экономических наук.